

межобщинных, межплеменных, межжузовых и т.д. Собственно говоря, и племя, и *жуз* — это, в сущности, особые институционализованные уровни этих разнохарактерных внешних отношений. Вместе с тем эти самые отношения функционируют в известном смысле как своего рода идентификационное пространство родственно-родовой идентичности общины. Иными словами, именно эти отношения выступают едва ли не основным фактором перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в семипоколенной экзогамной структуре как мощного сплачивающего и регулятивного механизма кочевого социума.

Л.Ф. Попова

РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Основным источником для настоящей статьи стали полевые материалы, собранные совместно с И.В. Стасевич (МАЭ РАН) в 2006–2007 гг. в Актюбинской области Республики Казахстан. Изучение ценностных норм не являлось специальной задачей этих полевых сезонов, но данная тема неизбежно находится в поле зрения этнографа как одна из важнейших характеристик исследуемой культуры.

Хорошо известно, что кочевое общество традиционно отличали крепкие родственные связи, так как генеалогическая система наиболее подходит для оформления социальных отношений номадов, каковыми казахи были в прошлом.

С переходом казахов на оседлый образ жизни можно было бы ожидать в настоящее время забвения ими родовой генеалогической структуры, тем более что активная борьба с родовым началом длительно велась как российскими властями во второй половине XIX в., так и советской властью в XX в.

Однако же исследования показали, что знание своей генеалогии у казахов западных областей Казахстана довольно прочно и составляет одну из важных основ родственных взаимоотношений. При знакомстве с информантом всегда выяснялась его «родовая» принадлежность, и в подавляющем большинстве случаев человек отвечал на этот вопрос

без какой-либо запинки. Здесь речь идет о знании самых верхних ступеней генеалогии — *жуза*, племени, рода, называемого *ру*, отделения рода *тайфа*. Термин *тайфа* не является часто употребляемым, и обычно в ответе на вопрос о своем *ру* информаторы сразу называли и наименование *тайфа*, например, *торт-кара/шобан*.

Для сравнения, по данным О.Б. Наумовой, полученным ею в 1998 г. у казахов Оренбургской области РФ, молодежь часто не имеет представления о понятии *жуз*, иногда неверно называли свой *жуз* даже старики. В Новоузенском районе при проведении конкурса на знание традиций своего народа не нашлось ни одного пожилого казаха, который обладал бы сведениями о своих предках до седьмого колена (Наумова 2000).

В 1998 г. в Восточном Казахстане автором также были зафиксированы случаи слабого знания казахами родовой принадлежности, хотя и не в такой степени. В Западном Казахстане, где казахи считают себя достаточно русифицированными, ситуация, между тем, в корне противоположна. Наибольшим объемом сведений о родословных *шежире* обладают мужчины средних лет и пожилые. У мужчин-информантов вопросы о родословной всегда вызывают весьма живой интерес, ее структуру довольно быстро вычерчивают и снабжают многочисленными комментариями касательно истории разных колен. Встречаются редкостные знатоки в знании *шежире*, как, например, О. Нурмаханов 1923 г. р. из поселка Арал-тобе Комсомольского р-на.

В семьях можно встретить записанные родословные, составленные еще отцами или дедами в сталинское время, когда знание *шежире* не особо поощрялось, но их ценность осознавалась людьми и эти записи бережно сохранялись в семейном архиве. В настоящий период эти документы имеют статус семейных святынь.

Несомненно, что особая ценностная интерпретация знания *шежире* последовала уже в постсоветский период в связи с подъемом национального самосознания, когда независимому государству потребовались консолидирующие этнические символы. Некоторые информанты особо подчеркивали, что до 1992 г. родословным столько внимания не уделялось. Роль государства в активизации этого интереса выражается, например, в том, что даже в детском саду и в школе проводятся специальные занятия по изучению *шежире*.

В поселке Акколь в доме учителя труда мы могли видеть, что семейное генеалогическое древо вывешено на стене в красивой резной рамочке. По словам хозяина дома, ныне так принято во многих семьях. Он сам восстанавливал *шежире*, опрашивая знающих людей и изучая специальную литературу, которая занимает видное место в домашней библиотеке. Основной мотив этой деятельности состоит в заботе о воспитании детей и их социализации.

О.Б. Наумова в упомянутой статье по российским казахам сообщает, что местные национальные общества также проводят работу по изу-

чению генеалогий, хотя и без особого успеха. Однако сам этот факт показателен в том отношении, что знание *шежире* считается у российских казахов элементом «казахскости». В то же время российские казахи, особенно городские, считают, что отсутствие ориентира на родственные группы делает их более мобильными, предприимчивыми, деловитыми, хотя и разобщенными (Там же).

Наряду с несколькими верхними ступенями генеалогии, которыми определяется самоидентификация по принадлежности к *жузу* и роду *ру*, для казаха особую важность имеет представление о семи нижних коленах. Эта родственная группа у казахов называется *жети ата*. В антропологической литературе для родственной группы такого порядка закрепился термин *линидж*. Для *линиджа* характерен унилинейный счет родства, ощущение связи с реальным предком и экзогамия. Как показали многочисленные опросы, экзогамия по отцовской линии остается у казахов очень строгой нормой, нарушения которой осуждаются как в семье, так и в общественных кругах. Наиболее распространенная трактовка необходимости соблюдения родовой экзогамии такова, что это традиция предков и она важна для сохранения здоровья нации. Соответственно члены *жети ата*, не имея права на заключение брака, считают друг друга родственниками. Парни и девушки экзогамной группы ведут себя друг с другом как братья и сестры. Парень у девушки при знакомстве обычно интересуется ее родовой принадлежностью, девушки друг у друга этого не спрашивают.

Согласно Дж.П. Мердоку, *линидж* должен быть живым, т.е. его членов должны связывать реальные общие интересы и действия. Члены казахского *жети ата* и родственного *ру* имеют друг перед другом определенные обязательства, которые касаются в первую очередь совместного участия в обрядах жизненного цикла и определенного объема помощи в их подготовке и проведении.

Многолюдность свадеб и похоронно-поминальных церемоний выступают в настоящее время важным фактором престижа семьи и уклонение родных от участия в них нежелательно — это чревато взаимными обидами, которых стараются избегать. Заметим, что нарастает тенденция к увеличению многолюдности празднеств.

Особо важно участие родных в похоронно-поминальных обрядах, их присутствие говорит о том, что покойный был благополучным, уважаемым человеком, которого будет поминать многочисленная родня. В связи с этим люди в известном возрасте начинают оживлять родственные связи, стараются наладить отношения, если они почему-либо были испорчены. По этикетным нормам, если человек идет на примирение, то отказа он не должен получить.

Важно, чтобы на похоронах присутствовали кровные родственники, которым положено оплакать умершего. В противном случае люди стесняются сложившейся ситуации. Показателен случай, когда нам было отказано в посещении поминок именно потому, что семья испы-

тивала неловкость в связи с невозможностью подобающе провести обряды из-за отсутствия родных.

Что касается родственной помощи, то для относительно дальней родни ее оказывают скорее услугами, причем существует правило, что с членов одного *ру* брать деньги за это неприлично. Помощь на празднествах выражается в приготовлении угощения, организации приема гостей и т.д. Например, в пос. Акколь мы наблюдали обряд *садака* в честь умерших предков, который проводила семья, издавеза приехавшая на родные могилы. Так как своего дома в поселке у этой семьи уже нет, гости собирались в доме их однородцев. В связи с этим нам была приведена пословица о родственном взаимодействии: «Если *куламан* идет, то он идет к *куламану*» (*куламан* — название *ру*).

Предполагается, что членам одного рода следует идти навстречу друг другу в каких-то взаимных просьбах и нуждах. Что касается материальной помощи как обязанности, то это касается более узкого семейного круга родни.

Родственники обязательно вовлекаются в ситуацию взаимного дарения, в процессе чего родственные связи получают дополнительную маркировку. Например, после забоя скота на зиму родственники обязательно посылают друг другу *сыбага* — буквально «долю», состоящую из набора мяса и костей на *бешбармак*. Причем в наборе всегда имеется адресная кость — грудинка для зятя и т.д.

Родственный линидж может и должен проявлять свое единство в некоторых социальных ситуациях, где имеет место обращение к родовому началу. Например, в поселке Карабутак при сооружении памятника выдающемуся бия Айтеке деятельное участие в финансировании праздника приняли члены рода *сеиткул* племени *алимулы*, к которому принадлежал и сам Айтекеби. Прямой потомок бия предоставил лошадь, дальние родственные колена — барана, другие помогали в организации и т.д.

Надо заметить, что связь с историческим деятелем или же почитаемым святым цементирует чувство родства членов *ру* или *тайфа*. Так, информантки из рода *жагайбайлы/бодес* рассказывали, что их род идет от Каршига — батыра, святого, ясновидца. Его могила находится в Копе, и этот мазар членам рода необходимо периодически посещать, совершая по возможности жертвоприношение. Активисты рода *жагайбайлы/бескурек* в 2006 г. проводили съезд своих однородцев на мазаре святого Беккула, с которым якобы *бескуреки* находятся в отношениях прямого родства.

Судя по многим жизненным историям, кровнородственная группа обеспечивает человеку чувство защищенности, психологического комфорта. Один из опрашиваемых на вопрос о годах детства отвечал, что очень страдал оттого, что родных было мало, хотя род как-то поддерживал его. По его мнению, «и сейчас хорошо жить, только когда родственники есть».

Обратной, зачастую трагической стороной семейной взаимопомощи являются ситуации, когда семья в свою очередь требует от человека самоотречения. Так, одна из наших информанток была журналисткой, долгое время жила в Алматы, строила успешную карьеру. Когда овдовел брат, ей пришлось взять заботу о его детях, переехать в небольшое село. Скучать ей не дают многочисленные заботы о хозяйстве, но заметно ее стремление к ценностям прежней жизни.

Родственная модель взаимоотношений в сознании казахов остается привычной и естественной, часто выступая классификатором, определяющим положение человека. Например, однажды казашка определила моих коллег как «родных по работе».

Очень часто дружеские и соседские связи приобретают оттенок родственных. Так, один из наших информантов своего соседа почитает почти как отца с соответствующими обязательствами, поскольку тот был ближайшим другом его умершего отца. На одной из свадеб мы также были быстро адаптированы в родственную структуру семьи жениха как *кудагаи* из Петербурга, т.е. как свойственники семьи.

Отношения свойства у казахов традиционно составляют важнейшую отрасль родственных взаимоотношений, в чем-то не менее значимую, чем кровнородственные связи. На уровне символа об этом говорит одна из казахских пословиц, плакаты с которыми принято развешивать на свадьбах в палатках для гостей: «Сватам 1000 лет, зятю сто лет». Смысл этого высказывания состоит в том, что даже если у молодых семья не состоится и они разойдутся, то свойственники все равно навсегда останутся родными.

Знакомство со свойственниками происходит во время сватовства и свадьбы, но все же весь круг родни не может присутствовать на торжествах. Поэтому на заключительных этапах свадьбы проводится действие обрядового характера под названием *тетти шай*, цель которого состоит в том, чтобы познакомить породнившиеся стороны шире. Сначала сторона невесты едет в гости (сейчас это человек 20–30), а потом — сторона жениха. На месте осуществляется гостевание по кругу — сначала в одной семье, потом в другой. Трактовка смысла этого обычая такова: «чтобы родные знали друг друга, не проходили мимо при встрече». По словам информантов, это недавняя практика, развившаяся в последние десять лет. Возможно, что в современных условиях при повышенной мобильности людей, когда молодежь стремится в город, родственная группа таким способом старается поддерживать свое единство.

В заключение заметим, что у казахов солидарность родственных групп значительной генеалогической глубины базируется на разных факторах, но в меньшей степени экономических и политических. Ведущая роль принадлежит сохранению общинных норм в социальной жизни, правилам заключения брака, факторам престижа, психологическим потребностям. Не в последнюю очередь это и традиционные

ценностные стереотипы, формирующие нравственный идеал, на который ориентировано повседневное и социальное поведение людей.

Библиография

Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 60–73.

С.В. Дмитриев

«ЧУЖОЙ» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX В.)

Проблема «свой-чужой» является одной из ключевых в философии, социологии, психологии, истории. Нередко она рассматривается и этнологами. Вместе с тем ряд исследователей нередко говорит о недостаточной теоретической разработанности самой этой темы, непродуманности методики ее изучения, круга относящихся к ней вопросов и приемов анализа источников. К этому можно также добавить и нередкую недостаточную фактологическую базу конкретного исследования взаимоотношений «свой-чужой» в том или ином регионе. В статье я рассматриваю два варианта таких взаимоотношений на примере отношения местного среднеазиатского населения к русским. С одной стороны, они достаточно универсальны, с другой — несомненно, имеют и некоторую специфику в Среднеазиатском регионе. Кроме того, в статье предлагается рассмотреть динамику этих отношений, т.е. изменение образа и статуса русского человека в процессе продвижения России в Азию в XIX в. При этом я не буду придерживаться хронологического принципа, а рассмотрю динамику типологически, как бы в обратнo-хронологическом порядке, так как для рассмотрения привлекается материал по народам, в разное время вступившим в тесное общение с русскими.

Культурологи и политологи, как правило, рассматривают образ «чужого» вкупе с образом «врага», который, без сомнения, является семантическим производным от первого, однако в этом случае тушует-